

Конкурс "Литературные уроки"

I МЕСТО

Бугрина В.Ю.

«От ноября до ноября»

*Моей бабушке Анне Григорьевне и всем женщинам-вдовам
павших на фронтах Великой Отечественной посвящается*

**«Добрый день, милая Нюра! Шлю я тебе от души чистосердечный
привет и желаю всего хорошего. Привет детям и горячо целую»...**

Милая Нюра... Так ее называл только Алексей, Леша, Лешенька...

Анна приехала учительствовать в большое село Елизарьево, что на Нижегородчине. В нем жили потомки подмосковных государственных крестьян, вывезенных сюда за какие – то провинности. Молодая учительница всем пришла к двору. Невысокая, ладная, с вьющимися волосами, уложенными в прическу «классной дамы», строгое темное платье, туфли на каблучке. Она старалась быть похожей на начальницу гимназии, которую с успехом закончила. Правда, у той на шее под бархатной лентой сиял золотой крестик, а у Анны жемчужно поблескивали бусы. Начальница была строга и серьезна. Анна же слыла человеком добрым и веселым. Однако уроки начальницы (прическа должна быть гладкой, не дай бог выбиться кудряшке-завитушке, воротнички на платье должны быть кипельно белыми и никаких излишеств, особенно в украшениях!) усвоила и неукоснительно соблюдала...

Шел 1932год. Путь из школы пролегал вдоль оголенных ноябрем деревьев. Небо, как лоскутное одеяло, было выстлано тучами. Морозящий дождик навевал грусть. Под ботинками чавкала грязь. Вечер не предвещал ничего хорошего. И вдруг на ее пути возник незнакомый парень, не по-здешнему модно, с иголки одетый, очень разговорчивый и веселый. Пока он провожал ее до дома, Анна узнала, что зовут его Леша, что он первоклассный портной и что свою жизнь собирается посвятить швейной машинке и ей. Анна рассмеялась, но вскоре стала его женой, а потом и матерью их 4-х детей.

Счастливые, молодые, Алексей и Анна по крохам вили свое гнездышко. Первая собственная кровать, «шкап» для посуды, письменный стол для Анны и ножная зингеровская машинка (как шутил Алексей, его «приданое»)- такой нехитрый интерьер составлял их земной рай. Потом этот рай приумножился, наполнился новым счастьем - лепетом троих детей. Частенько, уложив непоседливый народ по кроватям, родители садились пить чай и снова ворковали, как когда-то на скамейке у квартирки Анны. Тогда Алексей смешно рассказывал о крахе своей столичной карьеры, возвратившем его в родные места. Брат Яков, тоже портной (это было их семейное дело), вернувшись из Баку, где работал в артели по пошиву верхней одежды, сманил младшего Алексея в Москву. Устроившись в столице, братья сумели показать себя неплохими мастерами, получили

большой заказ на пошив пальто, который в спешке «запороли», испортив ткань. Подхватив чемоданы, мастера-неудачники еле унесли ноги от желающих тесно пообщаться с ними. Без копейки в карманах добирались до дома. За билеты расплачивались собственноручно сшитой одеждой, которая шла на ура...

«Милая, родная, ненаглядная Нюра! Сообщаю тебе, что доехал благополучно, но в Арзамасе пришлось ждать поезда до 12 часов. Это о дороге. А теперь о вызове. Пока моя мечта о доме не сбылась. Я думал, что вызывают насчет дома, но получилось другое. Я сейчас выезжаю на сборы в Горький на 20 суток. А что за сбор - точно не знаю сам. 10 человек уехали, 25, и 5-ро едем сейчас. Напишу про сборы подробно потом или сделаю вызов по телеграфу...»

В воздухе носился запах беды - опасность военного нападения на Россию. ЦК партии спешно укреплял армию кадрами. Волею судеб Алексей попал на краткосрочные курсы по обучению военному делу, после которых служил в Гороховецких лагерях в звании младшего лейтенанта. Кто бывал в Гороховецких лагерях, тот знает, что это огромный учебный центр, где по ускоренной программе готовили артиллеристов, разведчиков, радистов, связистов и пр. для Красной Армии. Во время войны это было страшное место, откуда люди рвались на фронт, вымотанные нечеловеческими условиями жизни. И до войны служба здесь была нелегкой. Частые неожиданные продолжительные сборы превращали стабильность семейной жизни в пунктир. Когда Алексей долго не видел жену и разлука становилась невыносимой, он делал для нее вызов. Анна приезжала, кормила Лешу домашней едой, приводила в порядок обмундирование, допоздна ждала мужа со службы, чтобы «поговорить за жизнь». Она очень огорчалась, что в основном приходилось жить порознь, а ведь у нее на руках, кроме детей, были престарелые родители. Так и жили молодые от отпуска до отпуска, от вызова до вызова. Зато как хорошо им было вместе! Разлука горячила их чувства. Вскоре появился четвертый ребенок - третий сын. В одну из долгожданных встреч Алексей заговорил о скорой возможности войны. Жена назвала его паникером. Но Алексей был серьезен, и Анну очень обеспокоили слова мужа. Но она надеялась, что он ошибается. Не ошибся...

Шел июнь 1941 года. Зацвел иван-чай. К вечеру луг у речки залило алым маревом. Анна не могла оторвать глаз от этой тревожащей красоты. А завтра началась война.

« Милая Нюра! ...На фронт я поехал неожиданно. По прибытию из лагерей я оставался в 10 запасном полку в Саранске. До утра 27.06.41г я принимал людей себе в роту, а утром 27.06. в 6 часов получил приказ принять взвод снабжения 2-го батальона. А в 2 часа мы уже поехали.....»...

Письма с фронта.... Они уже были в ее жизни. Отец Григорий, бывший церковный староста, в молодости отважно воевал на фронтах Первой мировой. Маленькая Нюраша видела, как печалилась мать, плакала по ночам и серела лицом. Она приходила в себя, когда отец присылал фронтовые весточки. Большую часть письма он кланялся родственникам, еще полписьма просил у Господа Бога здоровья и благополучия

для всех, но почти ничего не писал о себе. Однако вернулся Георгиевским кавалером. Она гордилась отцом!... И вот снова война. Снова письма с фронта. Теперь уже от любимого мужа.

«Нюра, много не расстраивай себя. Ведь эта участь выпала не только на мою долю и судьбу. Это судьба многих миллионов, которые уже давно сражаются и пролили много крови. Вот поэтому я и прошу: много не расстраивайся, не вспоминай прошлое и не обижайся на свою судьбу...»

Да разве она обижается! Она получила от судьбы такой подарок! Ее Алексей самый красивый, самый добрый, самый заботливый и нежный. Он не много говорил о любви, гораздо больше проявлял ее в поступках. Берег в страдное время, не давал носить воду, баловал, позволяя подольше понежиться в кровати. Часто посылал шуточные воздушные поцелуи, делал подарки. Однажды подарил брошь из янтаря: темно-коричневый желудь в обрамлении ярко-желтых прозрачных листьев. Как раз к ее крепдешиновому платью, сшитому им к новому учебному году...

Анна получила от мужа с июня по ноябрь несколько писем. И в каждом – приветы всем родным, забота о доме, о стариках, детках. ***« Я посылаю тебе денежный аттестат, по которому ты должна получать деньги в РВК с 1 октября этого года. Выписал на один год, как обычно дают сейчас аттестаты, но а потом будет видно»...***

Анна по-прежнему работала учительницей. В начале войны она с детьми переехала в родное село Большое Череватово в дом отца, человека строгого, глубоко верующего. В доме была Библия в необыкновенно красивом окладе. Отец каждый день читал Евангелие и истово молился за ушедших на фронт. Работать Анне пришлось в соседнем селе. Каждый понедельник утром она проходила 7 километров до работы, а обратно возвращалась в конце недели. За детьми присматривали ее родители. Отвечать на письма своего Леши она пока не могла - адреса мужа постоянно менялись - и поэтому мысленно просила его: ***«Живи, живи! Я не смогу без тебя!»***

« Дорогая! Я не хочу скрывать от тебя что-то и гарантировать себя от воли смерти. Ведь ты отлично понимаешь, что войны без потерь не бывает. Я гарантий своей жизни не даю, но короче говоря, ход действий покажет и это. Эта война не такая, какие были до этого, эта война противопоставила огромные армии и технику. Но все это ерунда. Я болею за тебя и за детей... В первую очередь тебе надо взять себя в руки, ради детей...

Война стремительно продвигалась вглубь России. Сводки с фронта слушали всей улицей. Это были особые минуты духовного родства, тесного единения, когда сердца тревожно стучали в унисон. Все от мала до велика понимали, что наступило лихолетье. Страшно было за детей, мужей, страшно было за братьев, за соседей, за страну. Анна успокаивала себя тем, что фронт далеко, дети с ней, во дворе стоит корова – значит, с голоду не умрут. Ведь все равно война кончится, а самого страшного Бог не допустит. Алексей не может не вернуться! Пусть он останется жив!!!

Милая Нюра! Я еще раз напоминаю: все может случиться со мной. И если это случится, значит, я погиб за своих детей, за Родину. Но это между прочим. От фронта я еще далеко. В данный момент нахожусь по пути в г. Курск, откуда и посылаю письмо с денежной квитанцией. Для контроля это необходимо. Но мне кажется, что деньги ты уже получила. Нюра, мне хочется знать ваши новости. Но пока придется воздержаться. Очевидно, скоро доедем до своего места жительства и тогда я дам свой полевой адрес, а сейчас его как такового нет. Милая Нюра, еще я сообщаю, что свои вещи я оставил в Саранске у политруковой жены. Она хотела их тебе переслать. Кажется, все прописал. Остальное в следующем письме. Пока, до приятного свидания, если оно удастся, или до письма. Остаюсь твой Леша. Целую(чувствуй!) Ответа пока не жду, но прошу, как только получишь письмо с адресом, или ответ, не ожидая ни секунды. 2.07.41г. г Курск.

Она так и сделала. Отложила все дела и написала ему такое большое письмо, что оно не поместилось в конверт, пришлось посылать пару с номерами 1 и 2, чтобы не запутался. Она писала, что скучает, что дети ждут папу, а она считает дни их разлуки. Рассказала о хозяйственных делах, о настроении односельчан. О трудностях особо не писала, не хотела расстраивать Лешу.

Нюра, я живу неплохо. Я думаю, что вы живете тоже неплохо. Трудно стало после вторжения на нашу родную землю гитлеровских фашистов. Но надо смириться и общим трудом громить фашизм. Нюра, ты ничего не пишешь о папаше, как он живет? Где Варюшка, Шурка? Это все интересует меня до крайней степени. Прошу все это сообщить. Прости, что мало пишу, ибо сейчас нет времени.

Она написала ему большое подробное письмо, в котором сообщила о судьбе родных, о том, что Шурка ушел на фронт, а Варюшка вернулась с Сормова в деревню. Писала, что начали копать свежую картошку, что ее уродилось много и хватит на всю зиму и семье, и скоту. Сообщила, что отдала увеличить их совместную фотографию и повесит ее рядом со своей кроватью, чтобы каждый день видеть себя рядом с ним. Призналась, что разговаривает с ним про себя перед сном, советуется о делах. Просила беречь себя, чаще писать и обязательно вернуться домой. Холодный пот прошибал ее, если пробивалась мысль: а вдруг! Анна гнала ее прочь!

Добрый день, Нюра! Шлю я тебе от души чистосердечный привет и горячо целую. Привет детям и горячий воздушный поцелуй... Давно не получал от тебя писем. Мне до крайности хочется узнать, что у вас нового. Нюра, о себе много писать не приходится, жив пока. А повторять одно и то же я считаю лишнее. Не потому, что я не хочу писать, а потому что языком многого, ибо я еще хочу жить. Мне кажется я пишу очень понятно, и ты хорошо понимаешь. Нюра, посылаю фотокарточку, сфотографировались со старшиной в городе. Там его адрес. Это если не окажется одного из нас на известном пространстве. В случае можешь справиться, или если его жена также будет справляться у тебя. Ну, Нюрочка, милая, пока. До приятного свидания. Остаюсь ваш, Леша Адрес: действующая Красная Армия, полевая почта станция № 647, особый стрелковый полк, 5 стрелковая рота. Целую (чувствуй!) 4.08.41г.

Анна рассмотрела карточку, прочитала адрес старшины, долго сидела неподвижно. Где –то в глубине кольнул острый коготок тоски. Она взяла письмо и рядом со строчками « не окажется на известном пространстве» приписала: «смерти, что очень нежелательно». Письмо сильно встревожило Анну. Почему не получает ее писем? Почему шифруется? Боятся цензуры? На фотографии Леша такой близкий и такой далекий, бравый парень, как и до войны. Пряжка на ремне ярко сияет, щеголеватые сапожки с острыми носами мягко обтягивают галифе, красивые руки на коленях, родной взгляд, который немного успокоил Анну.

Следующее письмо она получила 20 09.41г. В нем Алексей написал о денежном аттестате, о том , что стало некогда писать, идут бои.

Прости, что мало пишу. Нет времени. Милая Нюра! Надеюсь еще увидимся после разгрома фашизма.

Наше дело правое.

Враг будет разбит.

Победа будет за нами.

*До приятного свидания, которое все-таки должно быть. Жду ответ. Ваши
Леша*

Анна перечитывала письмо снова и снова. Тут же написала ответ на новый адрес полевой почты.

По радио передавали тревожные сводки о продвижении немцев к Москве. А ее Алексей был где-то недалеко...30 сентября началась Операция « Тайфун», целью которой был захват Москвы. С 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех главных направлениях, ведущих к Москве. В начале ноября в боях наступила небольшая передышка. По случаю 24-й годовщины революции 7 ноября на запорошенной первым снегом Красной площади состоялся венный парад. 15-16 ноября гитлеровцы предприняли еще одну отчаянную попытку прорвать оборону наших войск и захватить Москву. Тяжелые оборонительные бои на подступах к Москве продолжались всю вторую половину ноября. К концу месяца наступление врага удалось остановить. Враг был отброшен от столицы.

Ноябрь стоял отвратительный. Один промозглый день сменялся другим. Серо и безрадостно было на дворе, неудобно и тревожно на душе. Ответной весточки от Алексея не было... Когтистая лапа тоски скребла все сильнее. Наконец в декабре Анна получила письмо. Не казенное - треугольник!!! Только почерк не Лешин... Руки дрожали. Быстро вскрыла конверт и не сразу поняла смысл написанного.

Привет с фронта! Здравствуйте, Анна Григорьевна!...Очень соболезную Вам в потере вашего мужа и моего друга Алексея Михайловича, но я надеюсь, что он отдал свою жизнь не так дешево, пал смертью героя на поле боя нашей священной родины. Анна Григорьевна, мне хочется убедить вас в том, что на место погибшего в бою

вашего мужа встали сотни, тысячи воинов Красной Армии, которые с усиленным упорством и горячей ненавистью к врагам громят гитлеровских бандитов. И настанет время, когда эти мародеры полностью рассчитаются за свои злодеяния, за смерть наших лучших людей, за сиротство детей, за скорбь оставшихся жен и матерей, отцов и братьев... 12.12. 42г.

Наконец Анна поняла, что речь идет о ее Леше! И сразу небо и земля поменялись местами... Когда пришла в себя, твердо сказала: «Неправда!» Сказала и поверила.

В начале марта 1942 года пришло «казенное» за подписью батальонного комиссара: ***По данным центрального Бюро убит 22 ноября 1941года и похоронен в д. Сурмино, Московской области...***

Бабушке было за 30, когда она стала вдовой младшего лейтенанта Красной Армии Козлова Алексея Михайловича, разделив судьбу миллионов русских женщин. На руках у нее осталось четверо детей - шести лет, четырех, трех и одного года. Трудно пришлось в военную годину. Выстояли, выжили. Она сохранила всех детей, дала образование. До старости бабушка работала сельской учительницей начальных классов. Замуж она больше не выходила. Говорила, что нет такого второго, как ее Алексей. Письма с фронта, маленькие подарки да воспоминания - все, что осталось от мужа. Но и это она трепетно берегла до конца дней. Иногда она рассказывала нам о себе, о дедушке, о своем недолгом женском счастье. Над ее кроватью всегда висела фотография, где они с дедом рядом молодые, счастливые, с надеждой на светлое будущее.

II МЕСТО

Колупаева Г.А.

«ВЕЛИКАЯ СВЯТАЯ»

Пеньковка

Улицу нашу вначале звали Пеньковкой, а нас, ее жителей, пеньковцами. Возникла она в 30-е годы, и связано это было с коллективизацией. Наша семья жила в деревне Сенькина степь: держали скот, сеяли хлеб, выращивали овощи, рубили лес, продавали его на Сарсинский завод, гнали деготь, драли лыко, из него делали мочало, а из мочала готовили щетки, рогожи, сумки. Жили небогато, но когда началась коллективизация, земли забрали, лошадей и коров увели в Мосино. Жить в деревне стало невозможно, вот и подались в Саре, где была работа. Дом из деревни перевезли и поставили его в Пеньковке.

Шла эта улица вдоль небольшой речушки, а по берегам рос густой лес, в основном ельник. Вырубали его, пеньки выжигали на своем участке, так и появились за домом дом. К началу 1941-го года улица была уже довольно длинная, называли ее Ульянова, но старое название остается на слуху до сих пор - Пеньковка. Пеньки на улице торчали еще долго, пока не перегнили и их не сожгли ребяташки.

Посередине улицы шли глубокие колеи - разбивали конными телегами. После дождя, когда солнце прогревало воду в них, вся ребятня из них не вылезала. Матери нас не ругали, хотя становились мы после такого купания не лучше самого грязного поросенка. Вечером обычно топили баню, отмывали нас и чистенькими укладывали спать. Ребятишек на улице было очень много, в каждой семье по 4-6 человек. То ли природа так распорядилась перед войной, но я считаю, что это был какой-то демографический взрыв. Помню, когда я пошла в первый класс, нас было на улице 11 человек: 2 девочки, остальные - мальчишки. К началу войны в нашей семье было шестеро детей. Держали большое хозяйство: корова, , овцы, садили большой огород. Все бы хорошо, если бы не война...

Отец

Отца я не помню, знаю о нем только из рассказов матери, братьев и сестер. Я еще лежала в люльке, когда мать и старшие дети провожали его на фронт. Один из братьев частенько мне потом говорил, что из-за меня не смог проводить отца до Чада. Он дошел только до "пожарки", а там отец отправил его домой, чтобы смотреть за мной. Отец на прощание расцеловал парнишку, но тот все равно разобиделся, заревел и убежал.

Мать говорила, что была у нее мысль, когда забеременела, 'потихоньку избавиться от меня, ведь детей было уже пятеро. Аборты были запрещены, но бабки-повитухи делали свое черное дело. Когда отец узнал, что задумала мать, он пришел в ярость. Строго-настрога наказал даже забыть думать об этом. Он словно чувствовал, что недолго ему придется быть со мной, и когда приходил с работы, брал на руки, сам кормил, укладывал с собой.

С детьми он был строг, но справедлив. Слушались его все неукоснительно, по два раза повторять не приходилось, а меня нежил. Когда во время отправки на фронт уже подошел поезд, он перецеловал ребятшек, а матери сказал: "Сделай все, из кожи вылез, а ребят спаси". Когда мать потом вспоминала это, из глаз ее ручьем текли слезы. Когда на перроне прозвучала команда: "По вагонам!" - что тут началось: все бросились к вагонам,

кричали так, что ничего не было слышно, а потом в воздухе висел только женский вой. Мать в слезах выхватывала из толпы ребятишек, боясь потерять. Домой шли пешком, молча. Но тогда была еще надежда. Многие говорили, что война долго не протянется, месяц-другой, не больше.

От отца писем было немного, он успокаивал нас, говорил, что все нормально. А перед самой похоронкой мать неожиданно получила от отца записку. Передал ее один солдат, который на поезде ехал через нашу станцию в командировку из Москвы. Когда поезд остановился в Чаду, он вышел из вагона и крикнул, есть ли кто из Сарса. Такой человек нашелся, и солдат попросил передать

записку матери. В записке не было ни имен, ни фамилий, но мама узнала почерк отца. Он писал, что всем очень тяжело, что бои под Москвой идут нелегкие, кормят плохо, одежда на солдатах неважная, мерзнут в сырых окопах. А вооружение - винтовка на 2-3 солдата, да бутылки с горючей смесью. Просил выслать теплые носки, перчатки, белье. Мать не успела собрать посылку, как пришла похоронка. Отец погиб под Москвой в январе 42-го в возрасте 39 лет. Такие похоронки пришли почти в каждый дом. С фронта вернулись с улицы лишь трое, и то все израненные, и прожили они недолго.

Вот и осиротела наша семья. Несчастья с гибелью отца не кончились. Мать работала на стекольном заводе халявщицей, сестра

вынуждена была бросить педучилище и пошла работать в школу. Два брата пошли на завод. Вскоре старший получил тяжелую травму: не справился со станком, у которого стоял на чурбане -росту не хватало. В больнице он чуть не умер. Сердобольные соседки научили мать, и она поставила его на ноги травами.

Второму брату дали владимирского тяжеловоза, послали тогда в Сарс этих огромных сильных лошадей возить лес. Вот и наш мальчишка 13-ти лет от роду вставал в 6 часов утра, шел на конный двор, подводил своего тяжеловоза к подставке, запрягал и отправлялся со всеми в лес. Там они грузили огромные стволы деревьев на специальные сани и везли их, часть на завод, часть к железной дороге, чтобы отправить на фронт.

Два брата еще учились. Старший из них каждую ночь вставал в 3 часа, бежал к магазину занять очередь, чтобы утром по карточкам выкупить хлеб. На работающих давали по 400 граммов, а иждивенцам —200. Семья на 7 человек получала 2 килограмма черного ржаного хлеба. Мать этот хлеб заворачивала в холстяное полотенце, убирала в сундучок и никто никогда не дотрагивался до хлеба без разрешения матери.

А я, заскребыш - так в шутку называли меня в семье, с двух лет оставалась почти на весь день одна. Нет, не одна - была у меня нянька, и звали ее Верный.

Верный

Это был пес огромный, лохматый, спокойный и очень добрый. Мы все его очень любили, он был просто одним из членов нашей семьи. Хотя было тяжело с питанием, но мы с ним делились, чем могли.

Когда меня оставляли одну дома, мать впускала в дом Верного. С ним я ничего не боялась, играла, ездила на нем верхом, таскала за усы, толкала руки ему в рот, но он ни разу не огрызнулся, не обидел меня. Место его было около печки, на подстилке. А я часто ложилась между ним и печкой, мне было тепло, голову я клала на Верного. Пока я спала, Верный лежал неподвижно. Он был хорошим охранником и надежным другом.

После работы вечерами мать шла в лес за пикапами, брала с собой Верного. Тогда боялись дезертиров - были такие, скрывались от фронта. После одного случая мы стали ценить Верного еще больше. Ушла мать в лес, насобирала мешок пиканов, а уж вечерело. Оглянулась, а как домой идти, не знает, лес темный кругом. Кружила -кружила, из сил выбилась. Заплакала, давай молитвы вслух читать. А тут Верный твякнул и пошел, мать испугалась, что он ее бросит и закричала: "Верный, домой!" Он и пошел, оглянется, подождет мать и дальше идет. Совсем стемнело, вдруг совсем недалеко заводская труба показалась. Упала мама на колени, давай Верного целовать. А когда пришла домой, всю свою пайку хлеба ему отдала. Но вскоре Верного мы потеряли.

Волки

В зиму 42-го года появилось у нас несметное количество волков. Говорили, что бежали они от войны из Белоруссии, из подмосковных лесов. Злые голодные стаи не давали житья людям. Отстреливать их было некому да и нечем, ведь из мужиков только самые больные старики оставались дома, кто поздоровее, забирали в трудармию. Шли пеньковские бабы вечерами с палками в руках. Когда одна подходила к своим воротам, в дом не шла - ждала остальных. Последняя, дойдя до своих ворот, кричала: "Все, бабы, идите домой!"

От волков наглухо закрывали двери в сараи, дворы, окна в конюшнях, чтобы уберечь скот. По ночам звери завывали у самых домов и слушать их было жутко. Верного на ночь мать пускала в дом. Однажды он вскочил и яростно залаял. Мать подумала, что ему надо по нужде и выпустила его во двор. Тут же мы услышали злобное рычание, лай, визг. Мама выглянула в окно. Ночь стояла лунная, видно было все, как днем. В огороде она насчитала 11 волков. Верный бросился на эту стаю. Разобрать, что там творилось, было невозможно. Мать не посмела выйти на улицу. А вскоре звери двинулись в сторону конного двора, который находился в начале нашей улицы. Верный не вернулся, не попросился в дом. Утром брат стал искать его, около конного нашел голову, волчий хвост и лапу. Кругом весь снег был в крови. Останки друга мы похоронили в углу огорода, а брат выстругал крест и поставил на могилу. Соседи ворчали, что он ведь некрещеный, мать молчала, а братья кричали, что он нашим братом был - значит, крещеный.

Забавы военной поры

Мы, дети, в войну чаще всего были предоставлены сами себе. Летом за всеми приглядывала бабушка Наталья, которой было уже за восемьдесят. Разбудив своего внука, она заставляла его пройтись по домам, в которых были ребяташки, постучать в окна, разбудить всех, а потом каждому говорила, что надо делать по наказу матери: сходить за хлебом, прибрать в избе, прополоть грядки, принести воды и т.д. А потом начинались игры, купание в пруду. Летом мы просто не вылезали из воды, хотя в пруду было множество пиявок. Однажды на спор за конфетку я трижды переплывала пруд. Вышла из воды, а тело все в пиявках. Визжала, как могла, ребята вырывали пиявки, а ранки смазывали глиной - верное средство. Но купаться после этого я не перестала.

Другим занятием у нас было поиски травы, которую можно есть. Ели какие-то корни, стебли, листья. Летние месяцы были самые голодные: кончались запасы картошки, мяса, овощей. Весной спасались от голода ловлей рыбы. Братья делали "морды" из проволоки, привязывали их на веревку, другой конец прикрепляли к колу. "Морду" забрасывали поглубже в речку на ночь, забивали у берега кол, а утром шли за добычей. В период нереста рыбы порой братья приносили по ведру пескарей, лусанов, краснопериков. Меня заставляли их чистить, затем мать на реке их в решете промывала, часть солила и убирала в погреб. Тогда каждый день была уха, но больше всего мы любили "скородумку" - так звали это блюдо. В сковороде тушили с луком рыбешку, а потом заливали яйцами.

В августе было уже легче с едой: поспевала малика, черемуха, тут уж никто не ленился. Старались запасов сделать как можно больше. Черемуху мололи и делали очень вкусный кисель,

Зимой развлечение было одно - катание на ледянке, Лыжи редко у кого были, а ледянку делали каждому. Правда, звали мы её по-другому - "говешка". Делали ее так: тонкую доску запаривали в бане в кипятке и один край загибали как можно выше. Потом собирали коровьи свежие лепешки, намазывали их на нижнюю часть доски и замораживали, несколько раз поливая водой. Вадшьсм -были у всех - это была единственная зимняя обувь. Школьникам еще плели лапти, а остальные летом, весной и осенью бегали босиком, в холод сидели дома. Горок на улице было много, укатывали их как асфальт. Ложились на свою ледянку и летели сломя голову до самой речки. Другой берег был крутой, нас выбрасывало метра на три как с трамплина. Потом метров триста тащишься в гору, и так целый день. Домой возвращались еле живые, сразу же на печку. Мама подавала на печку кусок хлеба, две картошки и кружку молока. А после - спать. Печка за ночь прогрела так, что никаких простуд мы не знали,

Пеньковские ребята жили дружно, дрались только с ребятами других улиц. Я всегда находилась под защитой своих друзей. Однажды какой-то мальчишка побежал за мной, а друг его одернул: "Отстань от нее, она пеньковская, потом не отвяжешься".

Школа

В школу мы пошли уже в 1946-м. Я была меньше всех, но уже хорошо читала, писала. Букварь, весь потрепанный, был один на всех 11 первоклассников. Прочитает один, несет другому а тот следующему. Мне же он не доставался вовсе, раз я умела читать, а так хотелось картинки посмотреть. Еще была трудность. Идти в школу, что стояла на горе, надо было через плотину пруда, тротуаров, конечно, не было. Грязь на плотине непролазная, и свои лапти из глины вытащить не было сил. Стояла я так в грязи и редела, пока кто-нибудь не вытащит. Потом братья, шедшие на работу, на плотине подхватывали под мышки и несли до горы, а дальше я бежала по траве до школы.

Кто получал пятерки, в школе давали кусок хлеба с маслом. Мне такое лакомство доставалось почти каждый день. Писали чернилами, готовили их из сажи или из свеклы. Бумаги не было, писали на каких-то старых листочках или газетах. Из 11 малышей десять классов окончило только трое - не у всех была возможность учить детей.

Когда я была уже студенткой, мать рассказала мне историю, которая потрясла меня. Моя первая учительница Нина Григорьевна Овечкина пришла к матери, меня отправили погулять. Когда я вернулась, учительницы уже не было, а мама сидела какая-то задумчивая. И лишь спустя много лет я узнала, что Нина Григорьевна просила отдать

меня ей. Муж у нее был какой-то начальник, детей у них не было, жили гораздо лучше, чем мы. Она обещала увезти меня из этих мест, дать хорошее образование. Мама, понимая, что ее заморышу там будет лучше, чуть было не согласилась. Решила все же посоветоваться со старшими детьми. Те, узнав обо всем, страшно возмутились и заявили, что если умирать от голода, то всем вместе, а сестренку чужим не отдадим. Как же я была счастлива, узнав, что все они заступились за меня. И правда, всегда и во всем они поддерживали отцовскую любимицу.

Давно уже нет моей матери, братьев, но всегда я вспоминаю о них с благодарностью. В минуты радости и горя ни один не оставался в стороне. И еще. Отец для всех нас оставался великим символом патриотизма. Он отдал свою жизнь за Родину, и мы всегда гордились им. На обелиске в Сарсу есть и его фамилия - Шатунов Андрей Никифорович.

С огромной теплотой и нежностью вспоминаю и свою мать, сумевшую всех нас вырастить и вывести в люди. Весь смысл ее жизни был в детях, шестерых вырастила, выучила и вывела в люди одна. И в минуту последнего прощания все мы, ее дети, встали перед ней на колени, ведь для нас она великая святая.

III МЕСТО

Крылосова Е.Л.

«КРЕСТИК НАТЕЛЬНЫЙ»

Моему прадеду Глухову Алимпию Нестеровичу посвящается

Нас свела судьба в далёком 1912 году. Нарекли тебя Алимпием. Окунули три раза в таз с водой, что посреди избы, да напротив иконы – матери. И доверили мне тебя, голубоглазое чудо, да чтобы уберёг от всех напастей и бед, да чтобы по жизни рука об руку, да душа в душу.

Сколько радостей я готовил тебе в детстве, в скольких горестях я успокаивал тебя, что не всё так страшно. Помнишь, как прыгая по льдинам реки, провалился ты весной? Я ж тебе тогда так закричал, чтоб до дна ногами дотянулся, да изо всех сил оттолкнулся, и столбиком вынырнув плашмя на лёд упал. Спасибо, что услышал меня. Как мы с тобой тогда быстро до дому бежали, чтобы пока родителей нет, одёжу на печке развесить, да просушить...

Тогда можно было до печки добежать, да просушить, а вот в 41-м нет. Помню руки Анфисы Никитычны- жены твоей, что так крепко, да нежно обнимала нас тогда, меня погладив наказ давала, чтоб пуще прежнего тебе служил, да для четверых детушек Карпа, Михаила, Марии да Ивана сберёг. Куединский РВК Молотовской области Куединского района. Эшелон в неизвестном для нас направлении.

Ты прости, дружище, что не было в окопах ни щей, ни печи, ни порой хлебной краюшечки, ни земляночки... Глазами твоими на войну смотрел: окопы наспех выкопанные, земля вперемешку с погибшими да цвета нечерноземного, оглушающие и притупляющие слух взрывы громогласные, слезящиеся и всё-время прищуренные глаза, последние слова и взгляды молящие уходящих в мир иной боевых товарищей, горечь душевная и...вера... День в ночь, ночь в день... Страшное колесо военной машины придавило миллионы душ русичей, открытых и светлых, но не ожесточило сердца русичей...Твоё тому доказательство.

Да только и радовался я, что пулю от тебя хоть на миллиметр сдвигал, чтоб ты каждую мину сердцем чувствовал, да обезвреживал. Хороший из тебя сапёр – штурмовик 2 роты 3-го отдельного Гвардейского Штурмового Инженерного Сапёрного батальона Могилёвской краснознамённой ордена Кутузова бригады РК минёр получился. Помнишь ли, как знаки отличия «Отличный сапёр» и «Отличный минёр» получал? Не хотел ты никаких наград, лишь о детях, да жене думал, как бы миг приблизить встречи с ними... И точно знал, что только победа в войне троклятой с родными спокойно свидеться даст. И бились мы с тобой, и победу торопили на Калининском фронте с 1941 по 43 годы, на Западном фронте с августа по декабрь 1942 года, на 2 Белорусском фронте с 20 июня 1944 года.

Нам с тобой звания давали - гвардии ефрейтор, зам. командира отделения. Лишь одного простить себе не могу, одной записи в одном наградном листе твоём: «имеет одно лёгкое ранение». Старался я, сильно, твоею верою силён я был все пять лет. Лишь один раз, когда один ты в битве под Сталинградом в живых остался при разминировании прохода через Волгу, усомнился ты во мне, глядя на море тел бездыханных, повсюду плывущих. Вот тогда –то и получил ты запись такую. За то, что целы остались мы с тобой, нас к награде «Герой Советского Союза»представляли после войны, помнишь? Но что нам награды, когда ты в семье уже был, да с детьми, да с жёнушкой, да любимым делом занимался: пчелами, столярничал да плотничал, да с городу ситец любимым на платья

привозил. Да и грехом по староверским обычаям «возгордиться» было. Порешали вы с женой, да не поехали за наградой той...

Нет войны. 1946 год. Наконец-то родные сени... и вот они... до боли знакомые лица подросших за 6 лет детей и впалые щёки супружницы.

Не один ты ночью просыпаешься в поту... Я тоже ... То вспомнится, как в ночь на 28 октября 1944 года под ураганным артминомётным и оружейно-миномётным огнём противника мы с тобой смело и бесстрашно производили установку мин. Как разорвавшимся вблизи снарядом тебя легко контузило, но ты продолжал устанавливать мины. Мы в тот раз с тобой установили в короткий срок более ста противопехотных мин и помогли успешно выполнить боевое задание командования. Нам с тобой тогда вручали медаль «За отвагу», помнишь?

А иной раз мне вспомнится, как мы щитовую дорогу к переправе через реку Бжозувка в Домбровском районе Белостокской области строили. В близости от противника, рискуя жизнью каждую минуту, на протяжении трёх дней я давал тебе силы носить настил, более 10 штук в час на расстоянии пятисот метров, к месту устройства части. В какой – то миг при сильном артобстреле часть переправы в середине была разрушена, поставка лесоматериала прекратилась. Мы с тобой приняли решение восстанавливать это место под сильнейшим артобстрелом. И нам это удалось, уже через 15-20 минут работа была возобновлена. Об этом напоминает теперь орден Красной Звезды, который часто рассматривают теперь твои внуки и правнуки перед 9 мая.

Часто просыпаешься ты во сне от тяжёлых воспоминаний о 19-20 апреля 1945 года. Такой артминомётный и пулемётный огонь противника - света белого не видно! Надо форсировать реку Одер и строить мост. НАДО! Страшно, но надо. Мы первыми отправились забивать сваи и уложили тогда пять погонных метров настила, за тобой, моим сапёром, потянулись другие и ... мы справились! Построили быстро и в срок. Вот за то второй орден Красной Звезды.

А январь 45-го помнишь? Помнишь...! Часто, просыпаясь ночью, ты идёшь покурить на крыльцо, чтоб пение соловьёв заглушило сердечный бой. Я тогда испугался за тебя не на шутку. В двадцати - тридцати метрах от переднего края противника под сильнейшим огнём мы с тобой проделывали два прохода в минном заграждении противника. Когда немецкая разведка нас обнаружила и открыла прицельный огонь, я крикнул тебе: «В ружьё!», и ты взяв решительно автомат убил двух немцев, а остальные немецкие разведчики разбежались... Как просила тогда меня смерть отдать ей тебя, а я отстоял. А как гордились мы с тобой, что во время наступления двадцать девять танков по нашим проходам прошли без единого случая подрыва.

Орден Отечественной войны II степени рассказывает теперь твоим внукам, правнукам о тех страшных моментах.

Сегодня 4 марта 1949 года родился у тебя пятый ребёнок в семье –дочь. Окунули три раза в таз с водой, что посреди избы, да напротив иконы – матери, нарекли Евдокией. И доверили крестик у нательному староверскому голубоглазое чудо, да чтобы уберёг от всех напастей и бед, да чтобы по жизни рука об руку, да душа в душу.

2015 год. Мы с тобой на Земле – матушке в двадцати одном внуке и десяти правнуках. 70 лет со дня Победы. И говорю я небу: «Благодарствую за то, отец небесный, что помогал мне, крестик у нательному, достойно выполнять мою миссию. За то, что чувствовал меня и просьбы мои об вверенном мне земном творении Алимпии».